

Это любование возможностями тех, кто все равно строит. Не случайно ее называли Башня Брейгеля.

«Охотники на снегу». По недавно выпавшему снегу идут с собаками охотники. Перед ними замечательная долина, на заднем плане — горы в снегу. Безупречный пейзаж. Гармония света и цвета. У зрителя и у меня ощущение, что только в Раю такая красота. И тем не менее, не покидает чувство тревоги. Почему? Из-за чего? И начинаешь замечать, что охотники идут без добычи. Что собаки понуры.

Голод... И уже холодно от этой красоты. Уже вновь думаешь, что что-то нужно исправить в этом мире. Но все равно — гениальный пейзаж, который можно рассматривать часами, как бы втягивающий зрителя в пространство пейзажа.

«Безумная Грета». Фольклорный персонаж: Грета — олицетворение жадности, но одновременно воинственности. Брейгель изображает, как она в порыве безумия штурмует Ад. В каске и доспехах, уродливая, с вытаращенными глазами, она крушит все на своем пути. Пройдут годы, и на устах у всех будет гигантская пушка «Большая Берта». Брейгель подтолкнул и к этим ассоциациями.

Картина вновь, как в молодости, вернула Брейгеля к урокам Босха. На холсте разнообразные мистические существа, выходящие из Ада. Люди в безумной давке погибают. В порыве жадности они пытаются унести как можно больше золота. Не понимая, что перед ними дерьмо гиганта.

Мораль этой картины очевидна: жадность — причина войн, смерти. Это было актуально тогда в Нидерландах. Это актуально и через 450 лет.

Самой любимой работой Брейгеля была для моей жены картина, как оказалось, крошечных размеров — «Две обезьяны».

И вновь символика. Уютно расположились в проеме окна две обезьянки. Они на цепи. В средневековой символике обезьяна — символ греха, низменных инстинктов. То, что они уже на цепи, вроде бы говорит, что грехи обузданы. Но для Брейгеля это вопрос. Да к тому же мы, люди, не на цепи — мы греховны... И об этом напоминает великий моралист.

Нет, не случайно одним из художников, кто восхищался Брейгелем, был Рубенс. Именно он украсил могилу Брейгеля, его памятник своей картиной.

И надо же так — после нескольких часов в затемненных брейгелевских залах мы вышли в зал Рубенса, яркий и светлый, плотский.

У любой медали всегда есть две стороны.

Улетать из Вены не хотелось. Не искать же фонтаны, чтоб бросать монетку. В последний вечер, вернее, уже в ночь, когда мы вернулись из кафе «Моцарт», вспомнили, что в 24 часа в соборе святого Стефана — «Реквием» Моцарта.

Были настолько переполнены Брейгелем, что не пошли.

И решили — а может, это знак.

Еще рано или поздно прилетим в Вену, пойдём в собор и послушаем Моцарта. ♦

Владимир Ханелис, Израэль Спектор

САМАРИТЯНКА ИЗ ГОРОДА ОД...

В начале 20-х годов прошлого века будущий второй президент Государства Израэль Ицхак Бен-Цви беседовал с одним из уважаемых членов очень малочисленной общины самаритян. К тому времени их в Эрец Исраэль осталось 146 человек.

— Почему твои сыновья не женятся? — спросил Ицхак.

— Мы не можем найти им невест...

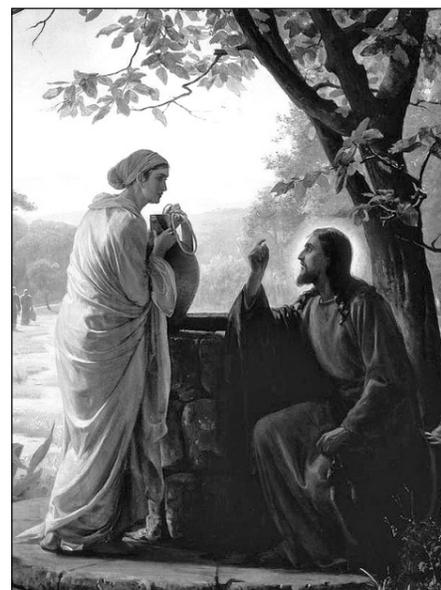
...К этой беседе мы еще вернемся, а пока расскажем читателям, кто же такие самаритяне. Притчу о добром самаритянине, то есть о человеке, бескорыстно помогавшему несчастному и убогому, знают очень многие.

Самаритяне, они называют себя «шомрим аль ха-эмет» («хранители истины»), это религиозно-этническая группа. Согласно своей традиции, самаритяне — часть народа Израэля, хранящая верность его подлинному наследию. Согласно той же традиции, местопребыванием Бога была гора Гризим близ города Шхем (ныне на территории Палестинской автономии). С нее началось сотворение мира, на Гризим жили Адам с Евой и детьми, стоял Храм. Когда большинство народа покинуло гору Гризим, то лишь колена Иосифа, с которым самаритяне себя идентифицируют, остались хранителями истинной веры. Поэтому самаритяне считают себя «настоящими евреями», а всех остальных евреев — «не настоящими».

У самаритян есть Главный коэн. У евреев — нет. Самаритяне не отмечают праздники Пурим, Ханука, не считают Иерусалим и Храмовую гору священными. У них свой календарь, отличающийся от еврейского. На Песах самаритяне приносят жертвоприношения (баранов и ягнят) на горе Гризим. Каждый член общины, включая детей, обязан попробовать кусочек мяса праздничной трапезы.

В Коране говорится, что самаритянин, «человек одного из племен сынов Израэля», подстрекаемый Шайтаном (Иблисом) сотворил кумира — Золотого тельца и пытался сбить евреев с праведного пути. «И Муса (Моше, Моисей. — Авт.) сказал самаритянину: «Выйди из нашей общины и удались прочь от нас...».

На протяжении многих веков, несмотря на взаимную неприязнь и вражду, истории евреев и самаритян тесно переплетались. И евреев, и самаритян преследовали греки, византийцы, персы, крестоносцы, римляне... («Знакомый» всем римский прокуратор Иудеи Понтий Пилат учинил кровавую бойню самаритян, после того, как они собрались на священной горе Гризим.)

Еврейский путешественник Биньямин из Туделы, посетивший Эрец Исраэль в середине XII века, пишет, что в Шхеме насчитывалось 1000 самаритянских семей, в Кейсарии — 200, в Ашкелоне — 300 и в Дамаске — 400.

В период турецкого владычества самаритянские общины вне Шхема прекратили свое существование. Дамасская община была вырезана в XVII веке. В 1842 году турецкие власти обвинили самаритян в безбожии и под страхом смерти приказали им принять ислам. На помощь пришли евреи. Главный раввин Иерусалима А. Гагин официально подтвердил, что самаритяне — ветвь народа Израэля, избавив их от гонений и истребления. В 1854 году британское правительство также вступилось перед турецкими властями за самаритян. Их число в Шхеме тогда составляло меньше 200 человек.

В начале XX века укрепилась связь между еврейским населением Эрец Исраэля и самаритянами, в первую очередь благодаря Ицхаку Бен-Цви, о котором мы упоминали выше.

В 1954 году все самаритяне Израэля были переселены в Холон. Там были построены для них дома, а в 1963 году в этом самаритянском квартале города, Неве-Пинхас, была открыта самаритянская синагога. На самаритян распространяется «Закон о возвращении», поэтому любой самаритянин может переселиться в Израиль.

Израильские самаритяне стали частью страны: они служат в армии, образованы (большинство из них «белые воротнички»).

Палестинские самаритяне интегрируются в арабскую среду, но при этом учатся в самаритянской школе, финансируемой Ватиканом.

Почти каждый самаритянин имеет два имени — еврейское и арабское. В принципе все самаритяне — очень доброжелательный и гостеприимный народ. Но есть и отличия между жителями Неве-Пинхас и Кирьят-Луз — во внешности, в акценте, в знании иврита и арабского, а также в общекультурных ценностях. На последних необходимость ежедневной скрытой конфронтации с арабами из Шхема наложила опеределенный отпечаток, сделав их чуть более агрессивными и менее терпимыми к другим.

Численность самаритян в древнем мире и в первых веках нашей эры колебалась от одного до трех миллионов человек. После многих войн, насильственного обращения в ислам и христианство, а в XX веке в результате близкородственных браков, число самаритян катастрофически уменьшилось. Как мы уже писали, в

начале прошлого века их оставалось 146 человек. В наши дни самаритян больше 800 человек. Число это потихоньку растет благодаря успехам генетического тестирования и, самое главное, — благодаря межнациональным бракам. А теперь вернемся к началу нашего рассказа...

— Почему твои сыновья не женятся? — спросил Ицхак Бен-Цви Авраама ха-Цафари.

— Мы не можем найти им невест.

— Почему они не женятся на еврейках? — Мы никогда не женились на еврейках.

— Всегда есть первый раз, даже спустя тысячелетия. Ведь евреи и самаритяне — один народ.

У Авраама ха-Цафари было шестеро сыновей. Все в отца — высокие, сильные, красивые парни. Четвертого сына звали Йефет. Однажды, в 1923 году, Йефета по-

знакомили с молодой вдовой, Мирьям. Мирьям тоже жила в Яффе. Йефет и Мирьям полюбили друг друга с первого взгляда и поклялись, что будут вместе. Аврааму будущая невестка тоже очень понравилась. Он стал уговаривать священников (коэнов) оформить этот брак, сыграть свадьбу, приводил цитаты из Торы. Так в 1924 году состоялся, вероятно, первый брак самаритянина с несамаритянкой.

... Прошло почти сто лет. Мы едем в гости к самаритянам на гору Гризим, в Кирьят-Луз. Там расположен общинный центр, три ресторана, место, где режут жертвенных баранов и готовят в печах-коллдах их туши; интереснейший музей, по которому нас водит пожилой, одетый в традиционные одежды самаритянин. Он и рассказал нам историю любви Йефет и Мирьям, добавив при этом: «Когда наши мужчины брали в жены евреек или мусульманок, прошедших обращение, это часто вызывало недовольство и обиды в их общинах. А женщины со стороны такого недовольства не вызывают. С тех пор, когда была разрешена и женитьба на христианках, перешедших в нашу веру, 23 украинки стали самаритянками, и родили общине больше шестидесяти детей. Они привнесли новую кровь, возродили нас самих, нашу веру, дали нам надежду...».

— А как фамилия, той, первой, еврейки Мирьям, ставшей самаритянкой? Откуда она приехала? — спрашиваем мы у гида.

— Фамилия ее Хайкина. Она приехала из России, из большого, портового города. Из него много евреев приехали в Эрец Исраэль. Этот город называется Од..., Од... — Одесса! — хором подсказываем мы. ♦